Х. А. Абовяна, М. Хади, А. Сиххата), ряда стран Азии — Индии, Турции и других. Кстати о Востоке. Нельзя не согласиться с замечанием И. Неупокоевой о том, что «включение в орбиту исследования романтического искусства Латинской и Северной Америки, а возможно, и ряда восточных стран, внесет в наши представления об истории романтизма некоторую дополнительную хронологическую коррекцию» (с. 49). Заметим — не только хронологическую.

Вторую часть «Европейского романтизма» составляют статьи, посвященные конкретным, более «локальным» проблемам истории и типологии романтизма. Таковы «Отношение романтиков к классическому литературному наследию» и «Эпистолярная проза романтиков» А. Елистратовой, «Некоторые особенности романтической теории драмы» Е. Сапрыкиной, «Романтические воззрения на природу» К. Хорвата, «О жарновой дифференциации романтической поэмы 30-х годов XIX века» Е. Пульхритудовой, «Стилевые особенности романтической поэзии романских стран» Л. Галди, «Философские основы литературной критики Кольриджа» М. Сенци, «Традиции „популярной" поэзии в романтизме ряда литератур Центральной Европы» Л. Сиклаи. Ставя конкретные проблемы романтизма, авторы обращаются к опыту английской, французской, немецкой, русской, итальянской, венгерской, польской, испанской литератур. Однако одно «установочное» положение, выдвинутое в статье И. Неупокоевой, все же не находит в статьях второго раздела последовательной реализации: «группировать литературы европейского романтизма по исторически сложившимся зонам их развития, ... по исторически обусловленному сходству их художественных систем» (с. 20). Можно было ожидать изучения типологии европейского романтизма по «исторически сложившимся зонам» и проследить его развитие по всем выделенным хронологическим этапам, но этого не произошло. Вернее — этот принцип проведен непоследовательно, неравномерно и не до конца. Сказались в этом, конечно, и малоизученность тех или иных зональных вариаций романтизма, и «специализация» каждого из авторов.

В силу этого «традиционные» романтизмы все же «перевешивают» над другими. Например, английский романтизм занимает довольно значительное место в статьях И. Неупокоевой, А. Елистратовой, Е. Пульхритудовой, а статья М. Сенци целиком посвящена одному Кольриджу, который, несомненно, заслуживает глубокого изучения, но в данной книге оказался неоправданно выдвинутым на первый план, тем самым заслонив собой фигуры более значительные и «выигрышные» с точки зрения типологии романтизма. В этом смысле и проблема, избранная Л. Сиклаи, сама по себе в научном отношении интересная, также оказывается мало связанной с общим направлением книги. А между тем болгарский романтизм или романтизм, скажем, Северной Европы в ней не заняли заметного места.

Две наиболее характерные тенденции выделяет А. Елистратова в отношении романтиков к классике: глубокое чувство историзма — осознание ими самих себя «людьми переломной эпохи» (с. 91) и «глубоко личное, лирически проникновенное отношение к великим художникам прошлого» (с. 92). Первая тенденция особенно хорошо раскрывается в статье об эпистолярной прозе романтиков. Обращаясь к многочисленным суждениям, художественным произведениям романтиков, автор показывает, как это усвоение прошлого проявлялось во «множестве самых разнообразных, зачастую прямо противоположных вариантов» — в отношении к античной поэзии у Шелли, Китса, Гельдерлинга, Батюшкова; в отношении к Данте, Сервантесу и вообще Возрождению — у Шелли, Байрона, Блейка, Китса, Вордсвордта, Шеллинга, Новалиса, Гофмана, Гейне, Гюго, Сталь, Пушкина. Значительное место автор уделяет интересным темам — «Шекспир и Байрон», «Шекспир и Гюго». «Особую сложную и богатую содержанием проблему отношения романтиков к классическому наследству,— замечает Е. Елистратова,— представляет собою роль культур Востока в творчестве европейских романтиков. Явственно обозначившийся в литературах Европы еще в начале XVIII в. интерес к художественным ценностям Востока в период романтизма углубляется. Восток привлекает не только живостью и оригинальностью местного колорита и пламенностью страстей, но и жизненной мудростью и поэтической цельностью своих шедевров» (с. 95).

Представляет значительный интерес статья К. Хорвата, в которой тема природы в творчестве романтиков широко описывается и классифицируется на основе образцов из лирики Гюго, Ламартина, Мюссе, Виньи, Вордсвордта, Байрона, Шелли, Пушкина, Лермонтова, Вёрёшмарти, Петефи, Я. Вайды, Словацкого, Гейне, Новалиса, Н. Ленау, Леопарди, Махи, Мицкевича. Отмечая различные предпосылки, традиции, источники (просвещение, сентиментализм, неоплатонизм, Шеллинг, фольклор), К. Хорват выделяет наиболее характерную, «типологическую» черту романтического взгляда на природу: «углубленную субъективность, точнее, субъективизацию природы; индивидуальное отношение к предметам природы, к пейзажу, проекцию настроения писателя на природу и, наоборот, отождествление чувствующего субъекта с природой, одушевление природы с субъективными эмоциями поэта, страстность отношения человека к природе» (с. 211). Желая конкретно охарактеризовать ряд «типов романтического ощущения природы», К. Хорват привлекает такие мотивы, проблемы, черты, как бегство романтического героя на лоно природы, обращение его к морю, к океану, космосу, высоким горам — вообще к при-